

Э. Ю. Чуклина

НЕДОСТАТКИ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ КОНСТРУКЦИИ НОРМЫ,
ПРЕДУСМОТРЕННОЙ СТ. 281.1 УК РФ
«СОДЕЙСТВИЕ ДИВЕРСИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ»

14

Федеральный исследовательский центр Южный научный центр
Российской академии наук, Ростов-на-Дону, Россия
Поступила в редакцию 21.09.2023 г.
Принята к публикации 09.04.2024 г.
doi: 10.5922/vestnikhum-2024-2-2

Для цитирования: Чуклина Э. Ю. Недостатки законодательной конструкции нормы, предусмотренной ст. 281.1 УК РФ «Содействие диверсионной деятельности» // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2024. №2. С. 14–25. doi: 10.5922/vestnikhum-2024-2-2.

В последнее время Особенная часть Уголовного кодекса Российской Федерации пополняется нормами, предусматривающими ответственность за приготовление к другому преступлению и формы соучастия в совершении другого преступления. Такие нормы в доктрине называют уголовно-правовыми нормами с двойной превенцией, так как они призваны предупреждать иные, как правило, более тяжкие преступления. В 2022 г. повышенная угроза диверсий на территории России обусловила введение ст. 281.1 УК РФ, предусматривающей уголовную ответственность за содействие диверсионной деятельности, по аналогии со ст. 205.1 УК РФ. В статье с помощью формально-юридического метода, метода сравнительного анализа, анализа качественных (приговоры) и количественных (статистика) данных выявлены технико-юридические недостатки новеллы, которые могут усложнить квалификацию и воспрепятствовать эффективному предупреждению диверсии. В частности, отмечается «перегруженность» ч. 1 ст. 281.1 УК РФ альтернативными действиями и избыточность специальной криминализации пособничества в совершении диверсии. По итогам анализа нормы, предусмотренной ст. 281.1 УК РФ, предложена ее новая редакция, включающая разделение подготовительных и вспомогательных действий по разным частям статьи, а также новое определение финансирования диверсионной деятельности.

Ключевые слова: содействие диверсионной деятельности, криминализация, двойная превенция, предупреждение диверсии

Одним из трендов современной уголовно-правовой политики, как верно отмечает С. В. Шевелева, является криминализация специальных форм соучастия в Особенной части УК РФ [36]. В пояснитель-

ных записках законодатель в качестве обоснования введения новелл прямо указывает на необходимость предупреждения других преступлений.

В юридической литературе формы соучастия трактуют как способ взаимодействия, степень сплоченности и соорганизованности соучастников преступления [25, с. 85]. Как правило, к формам соучастия относятся объединения участников, перечисленные в ст. 35 УК РФ [20, с. 4; 29, с. 173], однако многие авторы предлагают рассматривать в качестве них также соучастие с распределением ролей, предусмотренных ст. 33 УК РФ [12, с. 162; 27, с. 131]. Достоинство такого подхода заключается в учете всех вариантов способа взаимодействия соучастников в совершении преступления.

Кроме того, доктрина разделяет формы соучастия *sui generalis*, установленные в гл. 7 Общей части УК РФ, и формы соучастия особого рода (*sui generis*), предусмотренные отдельными нормами Особенной части УК РФ [4, с. 96; 18, с. 111]. Соучастие особого рода называют иногда необходимым соучастием ввиду того, что оно становится обязательным признаком состава преступления [10, с. 107].

Отправной точкой формирования тенденции криминализации в качестве самостоятельных преступлений форм соучастия особого рода следует считать 2002 г., когда были приняты ст. 205.1 УК РФ, запрещающая сразу несколько форм содействия террористам (вовлечение лиц в совершение преступлений террористической направленности, вооружение и обучение, финансирование акта терроризма или террористической организации), и ст. 282.1 и 282.2 УК РФ, действие которых распространялось на все экстремистские объединения, включая террористические.

Интересно, что Комитет Государственной думы по законодательству дал отрицательное заключение по законопроекту, предлагающему ввести ст. 205.1 УК РФ, указав на то, что поправка создаст неоправданную конкуренцию с нормами Общей части УК РФ о соучастии [5].

Совершенные на транспорте в 2009–2010 гг. террористические акты обнажили недостатки в системе выявления террористических угроз [32], в связи с чем президентом Российской Федерации Д. А. Медведевым был внесен законопроект, усиливающий ответственность террористов и их пособников [23]. По мнению Комитета по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству, данный шаг должен был существенным образом усложнить террористам задачу поиска помощников [31].

Однако и это предложение получило отрицательные отзывы. Так, по мнению Правительства РФ и Верховного суда РФ, изменения вызовут конкуренцию нормы, предусмотренной ч. 3 ст. 205.1 УК РФ, с нормой ч. 1 ст. 205.1 УК РФ (ныне также ч. 1.1 ст. 205.1 УК РФ) в части вооружения и подготовки лиц [26, с. 98].

Несмотря на критику научного сообщества, органов исполнительной и судебной власти относительно криминализации специального соучастия, законодатель продолжил опираться на уголовный закон как на основной инструмент предупреждения преступлений против национальной безопасности. В декабре 2022 г. были приняты нормы, направленные на противодействие диверсии [33], которые скопированы с «анти терро-

ристических» норм, предусмотренных ст. 205.1 – 205.4 УК РФ. Поскольку главным предназначением норм, предусмотренных ст. 281.1 – 281.3 УК РФ, является предупреждение диверсии посредством установления уголовной ответственности за приготовительные и вспомогательные действия, их следует признать нормами с двойной превенцией.

На первый взгляд, более простым путем было бы включить диверсию в перечень преступлений террористической направленности, чтобы охватить все способы приготовления и поддержки совершения диверсий ст. 205.1 УК РФ.

Фактически разграничить диверсию и террористический акт довольно сложно, оба преступления посягают на национальную безопасность. Террористический акт может быть совершен диверсионно-разведывательной группой, а не только членами террористической ячейки, равно как и диверсия может повлечь дестабилизацию работы органов власти и жертвы среди гражданского населения. Однако в доктрине данные преступления принято разграничивать прежде всего по целям: в отличие от теракта цель диверсии состоит в подрыве экономической безопасности и обороноспособности страны путем физического повреждения или уничтожения конкретных объектов. Террористы в качестве конечной цели преследуют воздействие на деятельность и решения органов власти посредством запугивания населения и иных насильственных методов.

В этой связи включение диверсии в перечень преступлений террористической направленности подведет все случаи поддержки и приготовления к совершению диверсии под ст. 205.1 – 205.4 УК РФ, что будет способствовать размыванию границ между террором и саботажем.

При этом законодатель не ставит четкие границы между диверсионной деятельностью и непосредственно диверсией, запрещенной ст. 281 УК РФ. Так, в ст. 281.1 УК РФ содействием диверсионной деятельности признаются различные действия, которые могут способствовать совершению исключительно диверсии: вовлечение, вооружение, подготовка лиц, пособничество, организация совершения преступления. Исходя из названия ст. 281.2 УК РФ «Прохождение обучения в целях осуществления диверсионной деятельности», диверсия является элементом диверсионной деятельности. Однако использование разделительного союза «либо» в диспозиции данной нормы и нормы ст. 281.3 УК РФ свидетельствует о самостоятельности и независимости этих понятий.

Если понятие «террористическая деятельность» раскрыто федеральным законом, то дефиниция диверсионной деятельности ни в нормативно-правовых актах, ни в доктрине не предусмотрена. В литературе, преимущественно по историческим наукам, диверсионная деятельность рассматривается исключительно как действия на территории противника в период военного конфликта [3; 13]. Представляется оптимальным вариантом рассматривать диверсионную деятельность как родовое понятие, охватывающее организацию, подготовку и совершение диверсии, а также иных, непосредственно связанных с диверсией преступлений. В каждой конкретной норме в зависимости от признаков деяния содержание диверсионной деятельности следует уточнять путем перечисления статей Особенной части УК РФ.

В условиях приграничного вооруженного конфликта актуальность предупреждения диверсий, в том числе посредством норм с двойной превенцией, возрастает. По данным Генеральной прокуратуры РФ, в 2022 г. на территории России зафиксировано рекордное число диверсий (23) как минимум за последние семь лет, преимущественно в прифронтовых регионах страны [30].

Следует согласиться с В.Н. Шихановым в том, что криминализация специальных форм соучастия обоснована, с одной стороны, необходимостью противодействовать преступлениям, совершаемым организованными преступными группировками, напоминающим производственный процесс (приготовление, разработка вариантов взаимодействия, совершение преступления), и имплементацией положений международно-правовых актов – с другой. Поэтому, несмотря на недостатки юридической техники, криминализационная логика у законодателя присутствует [37].

Вместе с тем норма, предусмотренная ст. 205.1 УК РФ, содержит существенные недостатки, которые были экспортированы в ст. 281.1 УК РФ «Содействие диверсионной деятельности».

Наиболее очевидной проблемой законодательной конструкции данной нормы является объединение в одном составе преступления нескольких альтернативных действий, которые либо слишком различны по своему характеру, либо, наоборот, являют собой разновидность одного и того же деяния. Так, в ч. 1 ст. 281.1 УК РФ предусмотрена ответственность за специальные формы подстрекательства (склонение, вовлечение и иное вовлечение) и пособничества (вооружение и подготовка лица в целях совершения диверсии), а также финансирование диверсии. Такой законодательный «винегрет» не учитывает специфику каждого преступного действия, усложняет квалификацию содеянного и индивидуализацию наказания.

Примечание к ст. 281.1 УК РФ повторяет определение финансирования в ст. 205.1 УК РФ, которое является довольно пространным и включает различные действия, связанные с денежными средствами и оказанием финансовых услуг, предоставлением движимых и недвижимых вещей. Однако данная дефиниция финансирования нуждается в корректировке.

В ст. 1 Международной конвенции о борьбе с финансированием терроризма 1999 г. к средствам финансирования относятся «активы любого рода, осязаемые или неосязаемые, движимые или недвижимые, независимо от способа их приобретения, а также юридические документы или акты в любой форме, в том числе в электронной или цифровой, удостоверяющие право на такие активы или участие в них» [16]. Термин «активы» характерен для экономической науки и в самом упрощенном варианте представляют совокупность материальных и нематериальных благ, имеющих стоимостную ценность и/или приносящих либо способных в будущем приносить доход их обладателю [8, с. 207].

Свод законов США в гл. 113В предусматривает ответственность за терроризм, в том числе такие формы содействия ему, как оказание террористам материальной поддержки и финансирование терроризма. Первое означает передачу любого имущества (включая валюту, денежные ин-

струменты или финансовые ценные бумаги, жилье, поддельные документы или удостоверение личности, коммуникационное оборудование, сооружения, оружие, смертоносные вещества, взрывчатые вещества, транспорт, за исключением лекарств или религиозных материалов), а также оказание услуг и предоставление персонала (финансовые услуги, обучение, консультации экспертов). Второе определение повторяет конвенциональную дефиницию, и поэтому финансирование терроризма в американском праве рассматривается как разновидность материальной поддержки терроризма, что с содержательной точки зрения логично. Однако неясно, каким образом оказание консультационных услуг и обучение относятся к материальной поддержке.

18

Е. В. Коновалова отмечает, что, хотя и редко, но в российской судебной практике встречается квалификация в качестве финансирования терроризма передача средств вооружения и других предметов для оружия, например оптических навесных приборов [14, с. 97]. В п. 15 ППВС от 09.02.2012 г. №1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» под вооружением понимается снабжение лиц оружием, боеприпасами, взрывчатыми веществами и т. п. Иными словами, вооружение по смыслу ст. 205.1 УК РФ — это действие по передаче оружия, боеприпасов, боевой техники и других предметов, которые определяет правоприменитель на свое усмотрение, поскольку перечень оставлен открытым. Нормативно-правовые акты определяют вооружение как комплекс различных видов оружия и средств его боевого применения (средства доставки и носители, системы наведения, пуска, управления и т. д.), предназначенные для поражения живой силы, техники, сооружения и других объектов, а также боеприпасы, запчасти, приборы и комплектующие изделия к ним, учебное оружие [22; 34].

В этой связи законодательная конструкция нормы, предусмотренной ст. 281.1 УК РФ, вызывает как минимум два вопроса: 1) как следует квалифицировать предоставление средств боевого применения оружия и приборов для него, к примеру оптических прицелов — как вооружение или финансирование? 2) зачем указывать отдельно незаконное вооруженное формирование, которое согласно ч. 5 ст. 37 УК РФ может существовать в форме организованной группы или преступного сообщества (организации)?

В связи с тем что судебная практика по ст. 281.1 УК РФ еще не сложилась, были проанализированы 120 приговоров по ст. 205.1 УК РФ, вынесенные Южным окружным военным судом в 2012—2021 гг.

Из 120 приговоров 4 вынесены в отношении организаторов финансирования терроризма. В двух случаях по ч. 4 ст. 205.1 УК РФ квалифицировано размещение в Интернете призыва о сборе денежных средств для террористической ячейки, в других двух случаях — сбор денежных средств под видом благотворительной деятельности. При этом согласно п. 1 примечания к ст. 205.1 УК РФ финансированием терроризма считается предоставление или сбор средств, то есть фактически правоприменитель приравнивает организацию финансирования и сбор средств для поддержки терроризма. Ситуацию осложняет отсутствие разъяснения Верховного суда РФ и аналитики ученых о том, что следует понимать

под организацией финансирования терроризма. Вероятно, законодатель при формулировке примечания имел в виду под сбором поиск и аккумуляцию средств по собственной инициативе или по поручению другого лица.

С аналогичной проблемой может столкнуться правоприменитель в отношении финансирования диверсии, так как дефиниции идентичны.

В целях устранения возникающих сомнений и противоречий при квалификации финансирования диверсии предлагается определить финансирование как «аккумуляцию или предоставление наличных и безналичных денежных средств, движимого и недвижимого имущества, имущественных прав независимо от способа их приобретения, с осознанием того, что они предназначены для организации, подготовки или совершения хотя бы одного из преступлений... либо обеспечения деятельности диверсионного сообщества».

Такое определение позволяет квалифицировать в качестве финансирования диверсионной деятельности перевод криптовалюты, которая согласно ст. 128 ГК РФ и ч. 3 ст. 1 Федерального закона от 31.07.2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [35] не является денежными средствами, но относится к иному имуществу, а также передачу вещных, обязательственных, имущественных прав на результаты интеллектуальной деятельности. Поскольку оружие, средства его боевого применения, приборы и комплектующие на него, боеприпасы относятся к объектам гражданских прав, хотя и ограниченных в обороте, их передача диверсантам также будет охватываться финансированием диверсионной деятельности.

Под организацией финансирования следует понимать инициацию сбора денежных средств и иного имущества, распределение ролей и координацию участников: кто и как занимается поиском «спонсоров», кто и где хранит переданные средства, какой способ перевозки или перевода средств в случае их безналичной формы, формат передачи прав.

Ученые критикуют формулировку определения пособничества в ст. 205.1 УК РФ, которая практически слово в слово повторяет дефиницию пособника в ч. 5 ст. 33 УК РФ [1, с. 71; 21, с. 48], сместив акцент с деяния на участника (пособника), а также фактически объединив пособничество и прикосновенность к преступлению [6, с. 5; 19, с. 71].

Данное заранее обещание придает уверенность преступнику в том, что он сможет избежать наказания за террористический акт, диверсию или другое тяжкое преступление [15, с. 106]. Обещание помощи после совершения носит более абстрактный и вероятностный характер, когда потенциальные преступники могут только надеяться избежать ответственности благодаря другому лицу. Соответственно, общественная опасность заранее данного обещания выше заранее не обещанного укрывательства, что законодатель не учитывает в ч. 3 ст. 205.1 и ч. 3 ст. 281.1 УК РФ. По мнению Л. В. Иногамовой-Хегай, разработчики закона намеренно создали новое понятие пособничества, объединившее его традиционный вид и прикосновенность [9, с. 44], чтобы усилить ответственность и в отношении лиц, присоединившихся после совершения преступления.

Следует заметить, что норма, предусмотренная ч. 3 ст. 205.1 УК РФ, крайне редко применяется на практике (табл.) [28]. Из 120 изученных приговоров по ст. 205.1 УК РФ только в одном вменяется пособничество в соответствии с ч. 3 ст. 205.1 УК РФ: обещание на деньги другого лица, участвующего в подготовке террористического акта, приобрести средства связи для тайного общения. Суд назначил пособнику, давшему обещание, но так и не выполнившему его, более строгое наказание, чем лицу, которое готовилось совершить теракт [24].

Число осужденных по ч. 3 ст. 205.1 УК РФ

Год	По основной статье	Дополнительная квалификация
2013	1	0
2014	0	0
2015	2	2
2016	0	0
2017	0	3
2018	5	0
2019	3	0
2020	2	0
2021	1	0
2022	0	0

Можно предположить, что такая же участь ожидает норму, предусмотренную ч. 3 ст. 281.1 УК РФ.

В отличие от подстрекателя и пособника организатор планирует совершение преступления, распределяет роли и координирует действия остальных соучастников [17, с. 124]. Доктрина давно признает, что деятельность организатора является наиболее общественно опасной среди других видов соучастия [2, с. 96; 7, с. 9; 11, с. 10], однако назначение справедливого наказания организатору совершения преступления возможно только в рамках индивидуализации наказания, что не всегда реализуется. Следовательно, выделение специального состава преступления за организацию диверсии с установлением повышенных санкций можно признать обоснованным.

Пособник же — второстепенная фигура, поэтому справедливое наказание для него в полной мере можно обеспечить индивидуализацией наказания в соответствии со ст. 67 УК РФ, в рамках ответственности за финансирование и подготовку лица к диверсионной деятельности по ст. 281.1 УК РФ, а также как заранее не обещанное укрывательство (ст. 316 УК РФ) — в зависимости от содеянного.

Несмотря на то что подготовка лица в целях совершения преступления близка по содержанию к интеллектуальному пособничеству, представляется, что данное деяние сложнее и не ограничивается дачей советов и указаний (обучение, тренировки), а включает также психологическую и идеологическую обработку лица. В этой связи рекомендуется в рамках ст. 281.1 УК РФ выделить самостоятельную норму, запрещающую подготовку лица в целях совершения преступлений, предусмотренных ст. 281 и 281.3 УК РФ, в качестве корреспондирующей норме ст. 281.2 УК РФ.

Следует заметить, что ст. 281.1 УК РФ скопирована со ст. 205.1 УК РФ в ограниченном виде, в частности не предусмотрена ответственность за

вовлечение в прохождение обучения и в диверсионное сообщество, подготовка лица в целях создания диверсионного сообщества или участия в нем.

Представляется, что это упущение законодателя, которое, вероятно, будет исправлено в будущем в связи с выявлением фактов вербовки в диверсионные группировки и обучения лиц формированию таких объединений. Установление ответственности за указанные деяния целесообразно, поскольку они не просто участвуют в приготовлении к конкретному преступлению, а служат источником криминальных кадров, способных выполнять наиболее сложные и опасные диверсионные задачи.

С учетом всех предложенных изменений норма, предусмотренная ст. 281.1 УК РФ, будет выглядеть следующим образом:

«Статья 281.1 Содействие осуществлению диверсионной деятельности

1. Склонение, вербовка и иное вовлечение в совершение хотя бы одного из преступлений, предусмотренных статьями 281, 281.2 и 281.3 УК РФ, наказываются...

2. Финансирование диверсионной деятельности, наказывается...

3. Подготовка лица в целях совершения хотя бы одного из преступлений, предусмотренных статьями 281 и 281.3 УК РФ, наказывается...

4. Организация совершения хотя бы одного из преступлений, предусмотренных статьей 281 УК РФ, частями второй и третьей настоящей статьи, наказывается...

Примечания. 1. Под финансированием диверсионной деятельности в настоящем Кодексе понимается аккумуляция или предоставление наличных и безналичных денежных средств, движимого и недвижимого имущества, имущественных прав независимо от способа их приобретения, с осознанием того, что они предназначены для организации, подготовки или совершения хотя бы одного из преступлений, предусмотренных статьей 281, частями первой, третьей и четвертой настоящей статьи, статьями 280.4 (публичные призывы к совершению диверсии), 281.2 и 281.3 УК РФ либо для обеспечения деятельности диверсионного сообщества».

Таким образом, в целях устранения недостатков законодательной конструкции нормы, предусмотренной ст. 281.1 УК РФ, предлагается: 1) скорректировать формулировку нормы, учитывая, что диверсионная деятельность — родовое понятие; 2) разделить по частям статьи ответственность за различные по своему характеру формы соучастия особого рода — вовлечение, финансирование, подготовку лица, организацию совершения преступления; 3) криминализировать вовлечение в прохождение обучения в целях осуществления диверсионной деятельности и в диверсионное сообщество, подготовку лица в целях создания диверсионного сообщества или участия в нем, организацию подготовки диверсантов; 4) декриминализировать пособничество в совершении диверсии.

Публикация подготовлена в рамках ГЗ ЮНЦ РАН «Стабильность южного макрорегиона: политико-правовые, социальные и этнокультурные аспекты», № 2 р. проекта 122020100350-2.

Список литературы

1. *Абисова К. С.* О несистемности законодательства в сфере противодействия террористической деятельности // *Философия права.* 2021. №4 (99). С. 68–72.
2. *Арутюнов А. А.* Соучастие в преступлении. М., 2013.
3. *Веригин С. Г.* Разведывательно-диверсионная деятельность финской дальной разведки в 1941–1944 гг. // *Санкт-Петербург и страны Северной Европы.* 2019. Вып. 21 (1) / под ред. В.Н. Барышникова, П.А. Кротова. СПб., 2019. С. 136–145.
4. *Горемычкин И. В.* Уголовно-правовые нормы о групповых преступлениях в институте соучастия : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2020.
5. Заключение по проекту федерального закона №97528-3 «О внесении дополнений в законодательные акты Российской Федерации». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/download/7FB45584-11F6-4B75-A356-588A712DC6F4> (дата обращения: 03.08.2024).
6. *Зарубин А. В.* Некоторые вопросы ответственности за содействие террористической деятельности // *Криминалистика.* 2017. №2 (21). С. 3–5.
7. *Захарян Г.* Соучастие и индивидуализация наказания // *Советская юстиция.* 1989. №5. С. 9–11.
8. *Игнатъева Е. А.* О соотношении понятий «актив», «собственность», «имущество» в российском праве // *Вестник Волгоградского государственного университета.* Сер. 5. Юриспруденция. 2011. №2. С. 204–209.
9. *Иногамова-Хегай Л. В.* Концепция конкуренции уголовно-правовых норм : монография. М., 2019.
10. *Кантимир А. И.* Объективные и субъективные признаки необходимого соучастия в преступлении // *Общество и право.* 2010. №5 (32). С. 107–112.
11. *Качалов В. В.* Организатор преступления в уголовном праве России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004.
12. *Клименко Ю. А.* Классификация соучастия: формы, виды, значение для уголовно-правовой оценки преступления // *Lex Russica.* 2016. №5 (114). С. 156–168.
13. *Кокошин А. А.* Разведывательная и разведывательно-диверсионная деятельность нацистской Германии перед нападением на СССР // *Вестник Московского университета.* Сер. 25: Международные отношения и мировая политика. 2014. №4. С. 113–139.
14. *Коновалова Е. В.* Анализ финансирования терроризма как преступного деяния в российском уголовном праве // *Вестник Московского государственного областного университета.* Сер.: Юриспруденция. 2022. №3. С. 92–99.
15. *Коровин Е. П.* Содействие террористической деятельности (ст. 205.1 УК РФ) и институт соучастия: вопросы соотношения // *Современные проблемы уголовной политики : матер. VI Междунар. науч.-практ. конф. : в 2 т.* Краснодар, 2015. Т. 2. С. 104–108.
16. *Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма, принятая резолюцией 54/109 Генеральной Ассамблеи ООН от 09.12.1999 г.* URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/terfin.shtml (дата обращения: 25.03.2023).
17. *Молчанов Д. М.* Организатор преступления в Общей части УК РФ и специальных нормах о соучастии Особенной части // *Актуальные проблемы российского права.* 2021. Т. 16, №12 (133). С. 118–133.

18. *Некоз А. С.* Подстрекательство sui generis: понятие и виды // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: Юриспруденция. 2018. №2. С. 109–117.

19. *Некрасова А. А.* Проблемы систематизации уголовно-правового регулирования специальных видов прикосновенности и соучастия в преступлениях террористического характера // Общество и право. 2016. №4 (58). С. 69–72.

20. *Ображиев К. В.* Проблемы установления формы соучастия при квалификации групповых преступлений // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2017. №4 (60). С. 4–13.

21. *Пикуров О. Н.* Трансформация института пособничества в советском и российском уголовном праве // Lex Russica. 2018. №7 (140). С. 39–53.

22. *Положение* о лицензировании разработки, производства, испытания, установки, монтажа, технического обслуживания, ремонта, утилизации и реализации вооружения и военной техники, разработки, производства, испытания, хранения, реализации и утилизации боеприпасов (за исключением указанной деятельности, осуществляемой воинскими частями и организациями Вооруженных Сил Российской Федерации и войск национальной гвардии Российской Федерации, в случае, если осуществление указанной деятельности предусмотрено их учредительными документами), утв. постановлением 23. Правительства от 21.12.2021 г. №2386 // Официальный интернет-портал правовой информации. (www.pravo.gov.ru) 29.12.2021 г. №0001202112290005. URL: <https://base.garant.ru/403324254/?ysclid=Izedq05q5i126240280> (дата обращения: 03.08.2024).

23. *Президент* внес в Госдуму законопроект, усиливающий уголовную ответственность лиц, причастных к терроризму. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/8372> (дата обращения: 24.03.2023).

24. *Приговор* Южного окружного военного суда 2017 г. в отношении А. А. ПANOVA и М. Н. Смышляева // Архив Южного окружного военного суда.

25. *Рогов Е. В., Забавко Р. А.* Дифференциация уголовной ответственности соучастников преступления // Известия Юго-Западного государственного университета. Сер.: История и право. 2022. №12 (5). С. 82–93.

26. *Саблина М. А.* Разграничение ролей исполнителя и пособника: закон и правоприменение // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2015. №1. С. 91–104.

27. *Самуратова А. У.* Формы соучастия в преступлении // Вопросы российского и международного права. 2020. Т. 10, №10А. С. 126–133.

28. *Сводные* статистические данные о судимости в России за 2013–2022 гг. URL: <http://cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 21.09.2023).

29. *Священюк Н. И.* Формы соучастия в преступлении по УК РФ // Вестник Московского университета МВД России. 2013. №9. С. 173–177.

30. *Серков Д., Ламова Е.* В России в два раза выросло количество преступлений против военной службы. URL: <https://www.rbc.ru/society/25/01/2023/63cfa819a7947fa6cb1eec2> (дата обращения: 04.04.2023).

31. *Стенограммы* обсуждений законопроекта №408302-5 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/408302-5> (дата обращения: 24.03.2023).

32. *Теракты* на транспорте в России (2009–2010 г.). Справка. URL: <https://ria.ru/20100329/216981517.html> (дата обращения: 24.03.2023).

33. *О внесении* изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон от

29.12.2022 г. №586-ФЗ // Официальный Интернет-портал правовой информации. 29.12.2022. №0001202212290038. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_436121/?ysclid=lzedsublx483342266 (дата обращения: 03.08.2024).

34. *О военно-техническом сотрудничестве Российской Федерации с иностранными государствами* : федер. закон от 19.07.1998 г. №114-ФЗ // Российская газета. 1998. №138.

35. *О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации* : федер. закон от 31.07.2020 г. №259-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. №31, ч. 1. Ст. 5018.

36. *Шевелева С. В.* Трансформация уголовного законодательства на современном этапе. URL: <https://youtu.be/g0w2kWsLiRU> (дата обращения: 17.02.2023).

37. *Шиханов В. Н.* Опыт конструирования составов преступлений террористической и экстремистской направленности в УК РФ 1996 года: достоинства и недостатки // Актуальные проблемы обеспечения национальной безопасности : матер. Междунар. науч.-практ. конф. Донецк, 2021. С. 103 – 110.

Об авторе

Элена Юрьевна Чулкина – науч. сотр., Федеральный исследовательский центр Южный научный центр Российской академии наук, Ростов-на-Дону, Россия.

E-mail: die_sehnsucht@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0001-8313-3199>

E. Yu. Chuklina

LEGISLATIVE FLAWS IN THE PROVISION OF ARTICLE 281.1 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION “SABOTAGE ACTIVITIES ENCOURAGEMENT”

Federal Research Centre the Southern Scientific Centre of the Russian Academy
of Sciences, Rostov-on-Don, Russia

Received 21 September 2023

Accepted 09 April 2024

doi: 10.5922/vestnikhum-2024-2-2

To cite this article: Chuklina E. Yu. 2024, Legislative Flaws in the Provision of Article 281.1 of the Criminal Code of the Russian Federation “ Sabotage Activities Encouragement”, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, №2. P. 14 – 25. doi: 10.5922/vestnikhum-2024-2-2.

Recently, the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation has been supplemented with provisions that establish liability for preparation for another crime and forms of complicity in committing another crime. In doctrine, such provisions are referred to as criminal law norms with dual prevention, as they are designed to prevent other, typically more serious, offenses. In 2022, the heightened threat of sabotage within Russia led to the introduction of Article 281.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, which establishes criminal li-

ability for aiding and abetting sabotage activities, analogous to Article 205.1 of the Criminal Code. Using formal-legal methods, comparative analysis, and the analysis of qualitative (court rulings) and quantitative (statistics) data, the article identifies the technical-legal shortcomings of this new provision, which may complicate qualification and hinder the effective prevention of sabotage. Specifically, it highlights the “overload” of part 1 of Article 281.1 of the Criminal Code with alternative actions and the redundancy of special criminalization of aiding in the commission of sabotage. Based on the analysis of the provision stipulated in Article 281.1 of the Criminal Code, a new version is proposed, which includes the separation of preparatory and auxiliary actions into different parts of the article, as well as a new definition of financing sabotage activities.

Keywords: promotion of sabotage activities, criminalization, double prevention, sabotage prevention

The author

Elena Yu. Chuklina, Researcher, Federal Research Centre the Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russia.

E-mail: die_sehnsucht@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0001-8313-3199>